

- Чанкун, проснись скорее!

Лу Юньчжэнь чувствовал, что Мо Чанкун во сне был совершенно другим, потерявшим рассудок, диким и жестоким, словно огромный хищник в период брачной активности, как в документальных фильмах про животных, где они не различают врагов, друзей, мужчину, женщину — и он принял его за женщину.

Лу Юньчжэнь слегка закружилась голова, в его сознании всплыли странные ощущения, как будто в теле пробудилась давняя, почти забытая память. Он неожиданно почувствовал облегчение, что объектом ярости Мо Чанкуна стал мужчина, и что этим мужчиной был он сам, а не кто-то другой. Так удалось избежать тяжелых последствий, и можно было решить все между собой, иначе это было бы серьезное преступление, за которое пришлось бы потом вместе с учеником просить прощения, вплоть до самоубийства во искупление...

Лу Юньчжэнь задумался на мгновение, а затем почувствовал себя дураком. Ведь даже если он мужчина, с крепким духом и сильной волей, и его тело выдерживает, все равно быть использованным обезумевшим учеником как женщина — это постыдно! Если об этом узнают, как он потом покажется на глаза людям?!

Что это за странный ритуал? Какой-то он уж слишком необычный!

Лу Юньчжэнь пытался изо всех сил сопротивляться, кусаться, бить, надеясь остановить происходящее. Но раны и боль только усилили возбуждение зверя, и ситуация становилась все более хаотичной.

Снаружи закрытой пещеры едва слышно доносились смех и разговоры мужчин и женщин — похоже, это были культиваторы, пришедшие собирать лекарственные травы и случайно приблизившиеся к пещере.

Лу Юньчжэнь был охвачен ужасом, он зажал рот руками, не смея издать ни звука, весь трясась от страха, что кто-то может узнать о том, что происходит между ним и его учеником. Он с трудом дождался, пока шум стихнет, и тогда попробовал привести Мо Чанкуна в чувство.

Но это не помогло...

Лу Юньчжэнь решил спасаться сам.

Он стал лихорадочно шарить в темноте, пока не нащупал холодный острый меч, который незаметно взял в руки. В этот момент Мо Чанкун был совершенно беззащитен, со множеством открытых уязвимых мест. Ему нужно было всего лишь... нанести сокрушительный удар, пронзить врага или тяжело ранить, чтобы прекратить этот кошмар.

В такой ситуации ранить противника, чтобы остановить насилие, разве неправильно?

Однако, хотя он крепко сжал меч, удар так и не последовал.

Он не понимал, почему медлит.

Мо Чанкун, закаленный в бесчисленных сражениях, с боевыми инстинктами, впитанными до мозга костей, почувствовал убийственное намерение, на мгновение замер, но не сопротивлялся и не боролся. Он лишь слегка приподнял голову, открыв шею и все жизненно важные точки, покорно ожидая, когда лезвие опустится...

Радость приносит боль, и только смерть даст освобождение.

Это ли истинные мысли Мо Чанкуна? Рука Лу Юньчжэня, сжимающая меч, едва заметно дрожала.

В темноте капля ледяной воды упала с высоты на его пересохшие губы и медленно впиталась, оставляя горько-соленый привкус. Он осторожно протянул другую руку, нащупывая что-то, и неожиданно почувствовал на лице Мо Чанкуна неизвестно когда появившуюся дорожку слез.

Лу Юньчжэнь не мог поверить в происходящее.

Его Чанкун — дух меча, с волей как железо, не боящийся боли, всегда с улыбкой побеждал самых страшных врагов, не обращал внимания на самые тяжелые раны, отрезая плоть, ломая кости, извлекая жилы, снимая кожу — все это с невозмутимым лицом.

Его Чанкун — дух меча, гордый и независимый, дерзкий и властный, никогда не склонявшийся перед трудностями, как бы тяжело ни было, не отступал, упрямый, как камень, с сердцем простым и чистым, как заснеженная вершина, возвышающаяся над суровой землей.

Его Чанкун никогда бы не заплакал...

Как его меч может плакать?

— Шизун...

Это был плач, исходящий от меча.

Лу Юньчжэнь больше не мог сдерживаться, он разжал руку, отпустив меч, который вновь исчез в темноте.

Он крепко обнял высокого мужчину, мягко коснувшись его прохладных губ, затем поцеловал влажные ресницы, нежно слизывая следы слез, словно ничего не произошло.

— Чанкун, я сделал это по своей воле...

— Так что не грусти...

...

Когда Лу Юньчжэнь проснулся, было уже полдень следующего дня. Он лежал в гостиничном номере, уютно устроившись под мягким одеялом. Его тело не испытывало особого дискомфорта, но ощущение оставалось, а на уголках глаз виднелись следы слез.

Слезы появились не от боли...

Хотя боль во сне была невыносимой, но еще в пределах его терпения, словно рана... Но потом он вдруг начал что-то чувствовать, что оказалось слишком тяжело переносить, стыд сжигал его, он хотел исчезнуть, изо всех сил пытался избежать этого, но его насильно вернули, словно человека, который не хочет покорять гору, волоком тащат на вершину, чтобы насладиться видом.

Это было ужасно, как гетеросексуальный мужчина может испытывать такое удовольствие? Да еще и от собственного ученика... Его достоинство было разрушено, от стыда он заплакал...

Он отвергал эту неконтролируемую радость, предпочитая страдать дальше.

Почему ему приснился такой сон?

К счастью, сон быстро начал стираться, и остаточные ощущения в теле постепенно исчезали, и когда сознание вернулось, он почувствовал себя немного лучше.

Лу Юньчжэнь вытер следы слез, потер опухшие уголки глаз и, стараясь не шуметь, выскользнул из постели, намереваясь уничтожить «улики» — испачканную одежду и простыни. К своему ужасу он обнаружил, что Мо Чанкун сидит на краю кровати, перевязывая раны на руках, которые каким-то образом получил.

Мо Чанкун встал:

— Шизун, ты проснулся?

Лу Юньчжэнь крепко сжал одеяло, стараясь скрыть свою растерянность и смущение, его тело было напряжено, опасаясь, что кто-то может заметить его неуверенность. Спотыкаясь на словах, он спросил:

- Ты... что... что случилось?

Мо Чанкун с мрачным лицом указал на угол комнаты:

- Это его вина.

Лу Юньчжэнь посмотрел в указанном направлении и увидел, что Ху Суй стоит на коленях на клавиатуре, обращенный лицом к стене, размышляя о своих проступках. Увидев, что его шизун проснулся, Ху Суй тут же превратился в маленькую пушистую лисичку, моргнул своими золотыми глазами и, тряся ушами, жалобно промолвил:

- Шизун, я больше так не буду.

Мо Чанкун, увидев его попытку разжалобить, схватил пепельницу и швырнул ее в него, строго приказав:

- Вернись в человеческий облик и продолжай стоять на коленях!

Лу Юньчжэнь был в полном недоумении...

Два его хороших ученика — один стоял, другой на коленях, ругались и ссорились, но в итоге сумели все ему подробно объяснить. Однако, за его спиной, они тайно договорились: Мо Чанкун пообещал не становиться отчимом и согласился отдать нефритовый свиток для расследования, а Ху Суй взял на себя обязательство скрыть все это, чтобы шизун мог спокойно жить дальше, без лишних тревог, и вернуть на Пик Уцзянь прежние счастливые времена.

Поэтому вся история была слегка изменена: теперь она выглядела так, будто Ху Суй имел старую обиду на старшего брата и решил ему отомстить, но в конце концов они помирились. Однако, когда они дрались, у Ху Суя сработал инстинкт самосохранения, и он активировал множество формаций Цинцю, раскидывая их по всей горе, не задумываясь. Всяческие типы формаций активировались без разбора.

Огонь, разгоревшийся у ворот города, затронул и рыбу в пруду*...

(ПП: идиома, означает, что городские ворота горят, и люди используют воду из пруда, чтобы потушить огонь. Когда вода израсходована, рыба умирает. Позже это стало метафорой, когда невинные страдают из-за своей причастности.)

Лу Юньчжэнь оказался той самой несчастной рыбой.

- Я все спланировал, но не ожидал, что шизун не пойдет с ними, — Ху Суй чувствовал себя совершенно обиженным и расстроенным, - Мы вернулись в гостиницу, старший брат не смог

дозвониться до тебя, пошел по следу твоего запаха и нашел тебя, лежащего на обочине дороги в бессознательном состоянии. Мы немедленно принесли тебя обратно.

По дороге все было более или менее нормально, но выражение лица шизуна свидетельствовало о том, что он сдерживает боль. Когда его положили на кровать, он залез под одеяло и завернулся в него так плотно, будто ему стало еще хуже.

Мо Чанкун не осмеливался трогать шизуна, поэтому он просто жестоко избил виновника и приказал ему снять формации. Ху Суй не мог понять, с какой формацией столкнулся его шизун, и что тот пережил внутри. Он пробовал разные способы, но ничего не помогало, а потом все как-то само собой разрешилось. Позже он пытался разобраться:

- В лесах Цинцю полно древних формаций, таких как ловушка сновидений, преследующая души, или иллюзорные миры. Шизун, ты видел, как выглядела формация?

Лу Юньчжэнь подумал и ответил:

- Когда я вошел в формацию, я увидел иероглиф «сон».

Ху Суй начал размышлять:

- Может быть, это была Формация Плетения Снов Парчовой Бабочки? Она позволяет вам видеть самые яркие воспоминания или самые заветные мечты, погружая вас в них.

Лу Юньчжэнь, покраснев до ушей, решительно возразил:

- Конечно, нет!

Будучи шизуном, он любил своих учеников как сыновей и ни за что не стал бы желать таких нелепых вещей!

Ху Суй, колеблясь, спросил:

- Тогда это был кошмар из Печати Пожирателя Разума? Это когда видишь то, чего боишься больше всего и что никогда не хочешь, чтобы произошло...

Лу Юньчжэнь без раздумий ответил:

- Да! Именно это!

Ху Суй с любопытством спросил:

- А что увидел шизун в своем сне?

Этот сон был настолько ужасен, что его нельзя было вспоминать, ведь он преследовал Лу Юньчжэнь несколько дней, и каждое воспоминание о нем вызывало желание покончить с собой.

Лу Юньчжэнь был переполнен стыдом и яростью, но ради сохранения достоинства перед учениками он заставил себя успокоиться и ничем не выдал своих чувств, сдержанно ответив:

- Ничего особенного. Мне приснилось, как демоны пожирали людей. Это было ужасно, я отчаянно боролся...

Мо Чанкун мягко утешил:

- Со мной тебе не нужно бояться.

Лу Юньчжэнь, услышав его низкий голос, вспомнил, как этот парень вел себя во сне, и снова почувствовал себя неуютно. Он закутался в одеяло и охрипшим голосом «спокойно» сказал:

- Со мной все в порядке, я просто немного устал и хочу еще немного отдохнуть, вы уходите.

Они, увидев его усталость, ничего не заподозрили. Мо Чанкун, убедившись, что все в порядке, схватил Ху Суя за шею и послушно вышел, не собираясь продолжать наводить порядок и учить его...

Лу Юньчжэнь, удостоверившись, что они покинули комнату, поспешно вылез из постели, принял душ, переоделся и убрал простыни и одеяло.

Он погрузился в ванну, и чем больше думал, тем больше его охватывал страх...

Мо Чанкун был человеком простым, честным и послушным, искренне доверявшим своему наставнику... А тут вдруг он начинает испытывать влечение к телу ученика и фантазирует о том, как его принудил непослушный ученик... Все это напоминает сюжеты из книг с извращенной моралью, где в конце концов жертва даже начинает получать удовольствие от принуждения?!

Он не человек, он зверь!

Живя один слишком долго, он теперь хочет вступить в отношения с любым, кого увидит, даже с учеником. Нужно взять себя в руки! К счастью, его не застали в неловкой ситуации, и он едва сумел сохранить достоинство шизуна... Как же горько осознавать, что во сне он не только оказался гомосексуалом, но еще и в пассивной роли! Как такое можно стерпеть? Наставник

должен быть активным! Такой кошмарный сон нужно навсегда забыть, похоронить его глубоко в душе, иначе ему будет стыдно смотреть Чанкуну в глаза...

Лу Юньчжэнь плеснул на лицо холодной воды, крепко выругался и поклялся, затем взял телефон и начал искать информацию на сайтах о здоровье, чтобы убедиться, что его чувства – это нормальная физиологическая реакция, присущая каждому мужчине. Он старался не думать о Мо Чанкуне, и от этого на душе стало легче.

Он все еще способен быть нормальным мужчиной!

Глядя в зеркало, Лу Юньчжэнь начал внушать себе это, укрепляя свою решимость. Он потратил немало времени, используя свою упорную волю мастера меча, чтобы окончательно вытеснить этот сон из своих мыслей и больше к нему не возвращаться.

Он отправил сообщение Лун Цзинтяню, чтобы сообщить, что с ним все в порядке.

Ху Суй также написал ему, предложив выйти прогуляться.

Скрываться от ученика из-за какого-то сна – не выход. Это вызовет подозрения. Лу Юньчжэнь с притворным спокойствием вышел из комнаты...

Обстановка в отеле мало изменилась, только табличка курорта Хуншишань сменилась на «Курорт Цинцю Хайфэн». Курорт по-прежнему был пятизвездочным и принадлежал к имуществу клана лис. Зимой гостей было немного, и Ху Суй арендовал весь курорт на несколько дней, поставив защитный барьер, благодаря чему все чувствовали себя расслабленно, принимая свои истинные формы и наслаждаясь отдыхом.

— Если вам нужно, можете приехать сюда в любое время, — великодушно сказал Ху Суй. — Здесь есть моя доля. Зимой пейзаж не самый лучший, но летом тут очень красиво: цветут сотни цветов, море чистое. Мы можем плавать и заниматься дайвингом.

Сейчас он формально является главой клана лис, и большая часть имущества клана находится под его управлением. Те мелкие демоны или люди с кровью демонов, кто был готов соблюдать правила, могли здесь найти себе место. Это место стало популярным курортом для демонов, но среди отдыхающих немало и людей.

Лу Юньчжэнь с радостью поблагодарил ученика за его доброту. Он тоже только что принял для себя решение: разделенные тысячелетиями братья наверняка накопили множество недопониманий и неудобств. Держать это в себе нехорошо. Лучший способ для мужчин решить недоразумения – это подраться. После драки все станет лучше.

Хотя его и обманули... Но полет на самолете был настоящим, пятизвездочный отель был настоящим, и подписанная книга господина Сюань У тоже была настоящей! Кроме того

странного и стеснительного сна, все остальное было в порядке!

Когда все пришло в хаос, Цзин Юну понял правду и хотел сообщить об этом Мо Чанкуну, но его схватили и запечатали, заточив в тубус для картин. Он был немного не в себе и потерял сознание.

Лу Юньчжэнь слегка обеспокоился:

- Что будет с его ролью?

Этот демон с раскрашенной кожей слишком уж одержим своей актерской игрой...

- Не беспокойся, хотя съемки фильма «Гора тысячи призраков» не будут проходить здесь, позже мы все равно будем его снимать. Я поговорю с настоящим режиссером и попрошу его провести повторный кастинг, — Ху Суй пообещал, что разберется с этим делом. Он улыбнулся,
- Я попрошу менеджера найти ему побольше ролей, пусть попробует еще...

Лу Юньчжэнь успокоился.

Ху Суй снова начал искушать:

- Шизун, хотите погладить мех?

Тысячелетний лис развернул девять пушистых хвостов, мягких и ухоженных, источающих приятный аромат. Они были созданы для того, чтобы уютно свернуться в объятиях учителя и покапризничать.

Лу Юньчжэнь не смог устоять перед соблазном, закатал рукава и потянулся за расческой для питомцев.

Вдруг налетел свирепый ветер. Мо Чанкун прилетел на мече, схватил его за талию и, взмыв в небо, унесся прочь:

- Шизун, пойдем развлекаться.

Ху Суй, не умея летать, от злости запрыгал на месте:

- Старший брат! Это же нечестно!